

РЕВЮ

спор меж славян

“Человеческие страсти бессмертны”

кинорежиссер Ежи Гоффман — Газете

Ежи Гоффман: «Мы точно знали, как жили наши предки и чем они воевали, но я не консультировался с учеными насчет человеческих страстей». Ежи Гоффман (слева) рядом с Даниэлем Ольбрыхским на съемках «Древнего предания»

На открытии панорамы современного польского кино режиссер Ежи Гоффман представит российским зрителям свою последнюю работу, фильм «Древнее предание. Когда солнце было богом». Накануне визита в Москву с Ежи Гоффманом встретился корреспондент Газеты Игорь Потапов.

Как получилось, что сюжет вашего фильма основан на повести Юзефа Игнация Крашевского, а название заимствовано у другой книги, «Когда солнце было богом» Зенона Косидовского? Такое название не случайно. Книга Крашевского называется «Древнее предание». Однако образ солнца как языческого бога — очень важный символ для нашего фильма. Поэтому мы купили права на название у наследников Косидовского. Сюжет картины не имеет никакого отношения к его книге, но само название глубоко соответствует смыслу нашего кино.

В России вы известны прежде всего как режиссер, перенесший на экран «Трилогию» Генрика Сенкевича. Теперь вы экранизировали повесть Крашевского про жизнь славян-язычников. Откуда такое пристрастие к литературной классике? Все имеет свое начало и конец. «Трилогия», как говорит само ее название, состоит из трех частей. Я делал их по очереди, причем последнюю часть, «Огнем и мечом», ждал многие годы. Сначала нельзя было снимать из-за цензурных соображений, потом из-за денежных проблем. Но мне это в конце концов удалось, я все еще жив и, к удивлению многих, продолжаю работать. В отличие от моих фильмов по Сенкевичу, «Древнее предание» не является экранизацией — это кинокартина по мотивам произведений Крашевского с добавлением сюжетных линий, основанных на народных легендах, сказках и так далее. С очень большим углублением в шекспировскую, макбетовскую тему, которая в книге только слегка намечена.

Известно, что при подготовке к съемкам вы пользовались результатами исторических исследований — это касалось только деталей быта древних славян или человеческих взаимоотношений тоже? Мы поддерживали самую тесную связь с археологами, так что точно знали, что ели наши предки, как они одевались, чем они воевали, как они жили. Но я, конечно же, не консультировался с учеными насчет человеческих страстей. Они остаются одинаковыми во все времена. С того момента, как Каин убил Авеля из-за ревности, ничего не изменилось. Борьба за власть, любовь, зависть, жажда мести — все точно так же присуще человеку, только тогда он подругому одевался, ел из другой посуды. Кроме того, я считаю, что фильм не должен быть учебником истории, это две разные вещи. Как и литература, и театр, кино не должно служить научным пособием. С другой стороны, если бы Шекспир не увековечил в своих драмах английских королей и герцога — кто бы сейчас о них помнил, кроме нескольких специалистов? Человеческие страсти бессмертны. Тем не менее благодаря нашему фильму молодой зритель может обратить внимание на что-то, что пропустит в скучной музейной экспозиции. Абсолютно современный — я поступил так сознательно. Хотя при переводе на русский язык некоторые архаизмы появились. Ну, например, я бы предпочел «град», а вместо этого звучит «городище».

Получается, ради художественной выразительности вы жертвуете исторической правдой? Иногда надо прибегать к обобщениям, у-

ходить от того, что было на самом деле. Впервые я с этим встретился, собирая материалы для картины о викингах, которую я так никогда и не снял. Это была история про сестру польского короля Болеслава Храброго, Святославу, которая сначала стала женой короля Швеции, потом — короля Дании, матерью шведских, датских и английских королей. Она умерла в Лондоне, но всю жизнь любила морского бродягу и разбойника короля Норвегии Олафа Тригвассона. О ней поется в сагах викингов. И вот, готовясь к этому проекту, в скандинавских музеях я увидел какие-то неизменно прекрасные в своей суровости костюмы викингов, сохранившиеся в торфяных ямах. Я был просто ошарашен. А специалисты мне сказали, что на самом деле все эти костюмы выглядели совершенно по-другому: они были очень яркие, крикливые. Краски просто выцвели за те века, что материя пролежала под землей. Так же и в кино — иногда, если снимаешь правду, она кажется такой же крикливой, ярмарочной. Поэтому какие-то вещи надо сознательно обесцвечивать, делать их монохроматичными. Мы поступили так с костюмами викингов в нашем фильме, и если я когда-то вернусь к тому своему проекту, там они тоже будут не пестрые, как в реальной жизни, а приглушенные, как бы вынутые из торфа.

В книге Крашевского роль захватчиков викингов — откуда же у вас взялись викинги?

Фильм был снят на очень ограниченную сумму. Неполные три миллиона долларов — для работы такого уровня это очень немного. Но когда я показывал фильм своим коллегам во Франции, в Бельгии, в Штатах, все они думали, что здесь потрачено тридцать миллионов! Так вот: богатство изображения у нас достигалось не только за счет компьютерной графики — просто на съемки фильма приехали со своим снаряжением, на своих кораблях члены исторических клубов, так называемых братств викингов. Оказалось, что такие братства существуют не только в Скандинавии, но и в Москве, в Киеве, в Польше, Англии, Германии, Франции. Притом они так же разнородны, как были разнородны викинги. Где-то они называют себя норманнами, где-то варягами. Я просто должен был немного убрать эту пестроту. И я пришел к выводу, что викинги интереснее визуально. Но ведь кроме этого еще и правдивее с точки зрения исторической. Саксонцы тогда еще не доходили до этой территории. Мы основывались на результатах археологических раскопок, с помощью которых было доказано, что в те времена в Польше бывали викинги, нашлись их захоронения.

Как подбирались актеры? Кажется, почти все из них снимались и в ваших предыдущих картинах?

Я вообще очень часто возвращаюсь к своим актерам. Я снова пригласил Анну Дымну, прокрашенная. Я снова вернулся к Рышарду Филипскому — в «Потопе» он играл адъютанта Кмицица — и к Эве Вишневской, которая снималась у меня в «Законе и кулаке». Я снова пригласил Богдана Ступку, который играл в «Огнем и мечом» Хмельницкого, а здесь сыграл князя Попеля. Конечно же, Даниэль Ольбрыхский для меня всегда звезда, даже если должен играть маленькую роль. Но у меня была очень серьезная

проблема с главной героиней. Мне была нужна молодая красивая актриса, талантливая и с опытом. Молодая, но опытная — эти понятия друг друга исключают. В Польше я не мог такой найти: много красивых и талантливых, но в основном старше, чем мне было нужно. И тогда мне помог Павел Тимофеевич Лебешев, мой оператор-постановщик. Увы, это оказался его последний фильм. Причем второй оператор, Ежи Госьчик, тоже не дождался премьеры, это был какой-то злой рок. Так вот, Павел Тимофеевич показал мне актрису, с которой он работал до этого, и это оказалась Марина Александрова.

Александрова и Ступка у вас играют по-польски?

Ну Богдан Ступка очень хорошо знает польский. Он им прекрасно владеет, он ведь воспитывался во Львове, рос вместе с польскими детьми. Ему всего лишь надо было избавиться от этого мягкого напевного акцента, характерного для людей с востока. С Мариной была другая история — ее озвучивает польская актриса, но Марине все равно пришлось выучить язык и произносить все свои реплики по-польски, чтобы совпадали движения губ.

В «Огнем и мечом» у вас по-польски научился говорить Домогаров, здесь — Александрова. Получается, что вы распространяете польский язык среди русских актеров?

Стараюсь как могу! (смеется)

Выйдет ли ваш фильм в широкий прокат в России?

Я бы хотел, чтобы этот фильм попал в руки зрителей, чтобы хорошо прокатился, и поэтому мы не торопимся. Я очень высоко ценю русского зрителя, еще со своего дебюта, «Гангстеры и филантропы». Я знаю, что здесь мои фильмы проходили с большим успехом, некоторые — как, например, «Знахарь» — не сходят с экранов телевизоров и по сегодняшний день. Поэтому мне бы хотелось, чтобы мой последний фильм попал сначала в кино, а только потом на телевидение, не так, как это получилось с «Огнем и мечом». Когда такую картину смотришь на большом экране, с хорошим стереозвучием, она оставляет совсем другое впечатление.

газета

коренной сибиряк

Ежи Гоффман родился в 1932 году в Кракове. Когда ему было восемь лет, всю семью вывезли в Сибирь, и на родину Гоффман вернулся только после окончания войны. В 1955 году закончил московский ВГИК и дебютировал вместе с Ежи Скужевским документальной картиной «Хулигань», которая получила приз польской кинокритики. Дебютом друга Гоффмана — Скужевский в игровом кино стал фильм «Гангстеры и филантропы» (1964). Первым самостоятельным проектом Ежи Гоффмана стала экранизация третьей части знаменитой исторической трилогии Генрика Сенкевича «Пан Володыевский» (1969), которую в Польше посмотрело рекордное число зрителей. Среди других фильмов этого режиссера — «Потоп» (1974), «Прокаженная» (1976), «Знахарь» (1981), «Огнем и мечом» (1999).